

— Конечно же нет. Он знает меня, я знаю его. И пусть в его словах правда перемешана с ложью, это никак не мешает людям из Дворца Ваньжэнь спасти его сына, — произнес Ли Суй. — Что же до уважения к старшим... Я никогда не считал его близким родственником. Просто мой отец при жизни дружил с ним, вот я за столько лет и привык к его обращениям вроде «дорогой племянник».

Чжу Яньинь впервые слышал, чтобы тот рассказывал о своих родителях, и поначалу даже растерялся. Неизвестно почему — возможно, из-за чересчур бунтарского вида Ли Суя, — но Чжу Яньинь всегда по умолчанию считал, будто у великого дьявола нет и быть не может ни родителей, ни родни: выскочил из расщелины в скале, вырос на ветру да выучился боевым искусствам у наставника, только и всего.

Ли Суй недовольно спросил:

— Это что у тебя за мина?

Чжу Яньинь ответил: «Не скажу, а то ты снова ухватишь меня за щеки. Я устал и хочу спать».

Великий дьявол свирепо рявкнул:

— Никакого сна!

«Если ты сказал „никакого сна“, я что, должен послушаться? Ты мне не перина под бок», — подумал Второй молодой господин Чжу, сделал шаг назад и отважно попытался сбежать, однако попытка провалилась.

Ли Суй сгреб его за воротник:

— Иди сюда, я расскажу тебе о своих родителях.

Чжу Яньинь подумал: «Ну, можно и так».

Чтобы показать манеры благородного семейства и соблюсти взаимность, он вежливо добавил: «А если ты захочешь узнать о моих родителях, я тоже могу рассказать».

Ли Суй ответил:

— Тогда ты и начинай.

Чжу Яньинь: «...»

Поразмыслив и изрядно порывшись в памяти, Чжу Яньинь выдал:

— Стоит моему отцу хоть немного выпить, как матушка бранит его так, что он потом из дому выйти боится.

Рука Ли Суя на мгновение замерла, и он холодно вернул кувшин с вином обратно на пояс.

Истории из прошлого без вина звучали несколько суховато. Ли Суй заговорил:

— Семья Ли из поколения в поколение занималась торговлей. Мой отец по указу императорского двора добывал в Цзиньчэне соль и железо. В те времена налог составлял двадцать процентов, половина продукции выкупалась казной, а тридцать процентов разрешалось продавать самостоятельно, так что прибыль выходила огромной. И нынешний

Дворец Ваньжэнь, и золотая жила в подземном дворце — все это отыскал он.

Добыча соли и железа — дело крупное, связанное и с жизнью народа, и с военным снабжением. Изъять такой кусок у казны могли лишь весьма непростые люди. Чжу Яньинь подумал, что при таком раскладе из семьи Ли должен был вырасти какой-нибудь избалованный дурачок-наследник богатого помещика, но почему же вместо этого получился внушающий страх и ужас великий дьявол Цзянху?

Ли Суй продолжил:

— Когда мне было пять лет, на одном из рудников за городом произошел обвал. Отец с матерью оба находились под землей. Когда их откопали, отец был уже мертв, а мать находилась на грани жизни и смерти. Она бредила в бессознательном состоянии и не продержалась и десяти дней.

Чжу Яньинь знал, что тот рано лишился родителей, но и помыслить не мог, что все произошло столь трагично. Семья Ли в один миг потеряла главу, да еще и владела рудниками, вызвавшими зависть множества людей — рассчитывать на спокойную жизнь в дальнейшем явно не приходилось.

— У отца было несколько двоюродных братьев. Они не бросили меня совсем: давали какую-то еду, одежду, отрядили пару слуг. Но все остальное время только и делали, что ругались из-за раздела имущества.

Затем уездные власти забрали рудники под государственное управление. Главный источник богатства семьи Ли иссяк, и те, кто еще недавно рвал друг другу глотки за наследство, разбежались кто куда. Возле ворот некогда шумной и богатой усадьбы Ли пыль легла слоем в три дюйма. Именно тогда и прибыл Пань Шихоу. Увидев, что больной Ли Суй никому не нужен, он лишь вздыхал раз за разом. Под снегопадом он отнес пятилетнего племянника к врачу, а затем распродал немногочисленные остатки имущества усадьбы Ли и заявил, что заберет ребенка в Байтоучэн и вырастит сам.

Чжу Яньинь заметил:

— Судя по твоим словам, счастье еще, что рядом оказался глава Пань.

— Он не плохой и не хороший, — опустил взгляд Ли Суй. — В те годы Зал Тяньчжу еще не набрал силы, они едва сводили концы с концами. Вернувшись в Байтоучэн, первое, что он сделал на деньги от продажи поместья Ли — построил большую усадьбу.

Чжу Яньинь в общих чертах разобрался в этих взаимоотношениях. Даже разорившийся дом Ли оставался богаче многих, а Пань Шихоу мог с чистой совестью прибрать к рукам остатки этого богатства, только взяв Ли Суя под опеку. Разумеется, им руководило и искреннее желание позаботиться о сыне усопшего друга — в конце концов, все мы обычные смертные, в которых уживаются и эгоизм, и человечность.

Ли Суй произнес:

— Я с детства был угрюмым и имел скверный характер, родственники меня недолюбливали. Отдать меня с чистой совестью было выгодно, даже если пришлось уступить одну большую усадьбу, ведь те гроши родню все равно не интересовали.

Чжу Яньинь подумал: «И то правда, характер у тебя и сейчас не сахарок». Вслух же послушно

спросил:

— Значит, ты отправился в Зал Тяньчжу?

Ли Суй кивнул:

— Я пробыл там всего год, а потом наставник отыскал Зал Тяньчжу и забрал меня.

— Я слышал, что почтенный Тяньмыньцзы обладает неописуемо глубокими познаниями в боевых искусствах и считается величайшим в мире скрытым от людских глаз мастером, — проговорил Чжу Яньинь. — Как получилось, что он лично пришел за тобой?

— Поначалу я думал, будто это Пань Шихоу захотел от меня избавиться. Лишь позже я узнал, что наставник встречал меня в Цзиньчэне, еще когда мне было три года. Тогда он пришел в несказанный восторг и заявил, что у меня редчайший дар к боевым искусствам, рождающийся раз в сотню лет.

Однако в то время усадьба Ли процветала и утопала в роскоши. Разве могли супруги Ли отдать своего единственного сына, да еще и отослать за тысячи ли? Тяньмыньцзы донимал их три месяца, но так ничего и не добился. В итоге ему пришлось оставить письмо в надежде, что в будущем еще представится шанс.

— Полагаю, после гибели отца мать поняла, что родственники надежд не оправдают. И вместо того чтобы оставлять меня на милость чужих людей, лучше доверить наставнику, чей порыв казался искренним. Поэтому перед самой смертью она послала весточку в Сюэчэн.

Чжу Яньинь осторожно спросил:

— А почему поначалу ты подумал, что глава Пань сам хотел тебя отослать? Разве он плохо к тебе относился?

— Относился он ко мне хорошо: и еда, и одежда, и все содержание у меня было таким же, как у его единственного сына, да и боевым искусствам нас учил один и тот же мастер.

Однако в этом-то «таким же» и кролась проблема. Пань Цзиньхуа от природы был глуповат, а на фоне Ли Суя и вовсе выглядел плачевно. Пань Шихоу же изо всех сил мечтал вырастить из сына выдающегося человека, так что каждый раз, наблюдая за их тренировками, доходил до белого каления — у него дрожали руки и ноги, а однажды он даже расплакался от досады.

Чжу Яньинь: «...»

Какая трагическая судьба у бедного отца!

— После того как наставник забрал меня, Пань Шихоу на каждые праздники присылал слуг с подарками, да и письма писал регулярно. Пару раз он даже лично приезжал на северо-восток навестить меня и говорил, что если мне живется плохо, я могу вернуться с ним, — закончил Ли Суй.

— В таком случае его вполне можно назвать хорошим старшим, — проговорил Чжу Яньинь.

— Возможно, — произнес Ли Суй, будто пересказывал чужую историю. — Другой родни у меня все равно нет.

Чжу Яньинь посмотрел на него и вспомнил о своих родственниках в Цзяннани. Из-за травмы

головы он до сих пор не мог запомнить всех по именам, однако тот грандиозный наплыв толпы, приходившей навестить его сразу после пробуждения, отпечатался в памяти четко. В конце концов наносное сочувствие даже утомляло, а сам он поражался, откуда у него столько родни.

Сравнив их положения, он посчитал, что Ли Суй куда более несчастен. И пусть сам Владыка дворца Ли едва ли считал себя обделенным, существовала особая разновидность жалости — когда богатый молодой господин из Цзяннани считает тебя бедняжкой. А потому Чжу Яньинь твердо пообещал:

— Когда в будущем с делами на северо-востоке будет покончено, ты можешь приехать ко мне в гости! У меня дома полно старших родственников, так что скучно не будет.

Ли Суй лишь улыбнулся и больше ничего не ответил. Он отвязал кувшин от пояса и сделал хороший глоток.

Второй молодой господин Чжу отличался кротким нравом и отнюдь не грозил отчитать великого дьявола так, чтобы тот носа из дому не показывал. Взамен он поинтересовался:

— Что это за вино?

— У него нет названия. На днях проезжал мимо одного питейного заведения, вино показалось неплохим, вот и прикупил несколько кувшинов, — Ли Суй протянул ему сосуд. — Будешь?

Чжу Яньинь отцедил немного вина в чашу. Напиток обладал нежно-алым оттенком, едва ощутимым ароматом и приятным сладковатым послевкусием. Остаточный цветочный дух на зубах напоминал о расходящихся по Сиху кругах от моросящего дождя — такой же туманный и едва уловимый.

Чжу Яньинь выпил чашу до дна и попросил налить еще.

Ли Суй напомнил:

— Твой дворецкий прямо за дверью.

— Я знаю, — ответил Чжу Яньинь. — Но вино замечательное.

— Это последняя чаша. Допивай и отправляйся отдыхать, — Ли Суй налил ему вторую чашу.

Чжу Яньинь отозвался согласным гудением, хотя в глубине души испытывал досаду: ему ужасно хотелось, подобно великим странствующим воителям из книг, напиться однажды до беспамятства.

После трех чаш Ли Суй безжалостно выставил за дверь Второго молодого господина Чжу, который все мешкал и явно не желал уходить.

Дворецкий перевел дух и поспешно шагнул навстречу:

— Премного благодарен, Владыка дворца Ли!

Чжу Яньинь: «...Хм!»

И обиженно удалился.

Ли Суй с улыбкой качнул головой и тоже вернулся к себе.

Старший двоюродный брат, который от начала и до конца наблюдал за происходящим из окна, подумал: «Неужели мой глупенький братишка наконец проникся отвращением к Цзянху? Отличный знак!»

...

Действие трех чаш вина оказалось внушительным: богатый господин из Цзяннани проспал с таким размахом, словно его опоили снотворным отваром, и проснулся только на следующий день в полдень.

<http://bllate.org/book/18290/1754134>